

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

ЗАМУЖ ЗА ЧЕРНОГО ВЛАСТЕЛИНА,
ИЛИ МУЖИКИ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВЫ

ЗАМУЖЕМ ЗА ЧЕРНЫМ ВЛАСТЕЛИНОМ,
ИЛИ БОЖЕСТВЕННЫЕ КАНИКУЛЫ

•

ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ,
ИЛИ ОНО МНЕ НАДО?

ВЫЙТИ ЗАМУЖ НЕ НАПАСТЬ,
ИЛИ ОНО НАМ НАДО?

•

ОДИНОКАЯ БЛОНДИНКА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ,
ИЛИ БОЙТЕСЬ СБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ!

ЗАВЕРНИТЕ КОНЯ, ПРИНЦ НЕ НУЖЕН,
ИЛИ ДЖЕНТЬЛЬМЕНЫ В ПРИДАЧУ!

•

БОГАТЫЕ ТОЖЕ СКАЧУТ,
ИЛИ ГДЕ СПИТ СОВЕСТЬ

•

НЕПРОСТО МАРИЯ,
ИЛИ ОГОНЬ ЛЮБВИ, ВОЛНА НАДЕЖДЫ

•

ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2016
САРМА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С47

Серия основана в 2011 году
Выпуск 244

Художник
А. Клепаков

Славачевская Ю. В., Рыбцкая М. Б.
С47 Девять с половиной: Роман. — М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 281 с.: ил. — (Романтическая
фантастика).

ISBN 978-5-9922-2339-2

Простой рецепт счастья: мужчина, девушка, любовь. Приправы: га-
рем, яды и соперницы. В итоге получаем девять камней. Не понятно?
Зато весело.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Славачевская Ю. В., Рыбцкая М. Б., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016
ISBN 978-5-9922-2339-2

Мужчина нужен женщине для того, чтобы
быть слабой. Сильной она может быть и без него!

NN

ПРОЛОГ

На восточном базаре трое нищих окружили старика в одежде дервиша, который ехал на маленьком лопухом ослике с грустными глазами.

— Что есть жизнь? — спросил один из нищих, одетый в драные грязные шаровары и жилетку.

— Возможность чувствовать, быть, — невозмутимо ответил старик, не останавливаясь.

Ослик посмотрел на вопрошающего грустными глазами и кивнул.

— Что есть чувства? — влез второй, поправляя засаленный бурнус непонятого цвета.

— Возможность ощущать дыхание этого мира, — пояснил дервиш, следуя только одному ему известным маршрутом.

Ослик бойчее застучал маленькими копытцами.

— Что есть сущность? — закрутился вокруг парочки третий, сверкая смуглой кожей через прорехи рваного кафтана.

— То, что делает нас живыми, — растолковал пожилой мужчина троице, крутящейся вокруг него в непонятном танце.

— Кто ты?.. Кто вы?.. — загомонили, провыли на разные голоса странные нищие.

— Мы — те, кто выбирают сами, кем быть. В этом выборе нет третьих лиц. Ты выбираешь и живешь с этим выбором, пока выбор не становится жизнью. Это и есть Судьба... — усмехнулся дервиш. — Хотите, я расскажу вам историю о...

— Мы увидим ее сами! — крикнули нищие, становясь песчаными вихрями и уносясь прочь. — Мы видим все! Все!

— Видите глазами и слепы душой, — фыркнул старик, продолжая свой путь. — Лишь те, кому суждено, увидят в этой истории любовь, борьбу и познание... Для остальных это всего лишь сказка...

ГЛАВА 1

Когда что-то долго ищешь, то всегда что-нибудь найдешь. Иногда даже нужное...

Эля

Осень вступила в свои права: позолотила деревья, подернула свинцовой пленкой небо, заплакала мелкими злыми слезами уходящей в зиму одинокой старости...

Я шла под морозящим непрекращающимся дождем, загребая ногами опавшие листья, и грустно перебирала гладкие камешки-голыши в кармане. Их ровно восемь, а надо девять, одного не хватает. В этом-то и вся беда.

У меня сегодня выдался на редкость невезучий день. Все началось с того, что мой гражданский муж Дмитрий, с которым мы прожили вместе три года, собрал утром сумку и с глухой враждебностью оповестил меня:

— Прощай. Я ухожу.

На мой недоуменный вопрос: «В чем дело? Почему вот так сразу, резко? Я чем-то обидела тебя? У тебя проблемы, о которых я не знаю? Другая женщина? Что-то стряслось?» — он пожал широкими плечами и с мрачной решимостью ответил:

— Конечно же другая женщина, а больше ты ничего не надумала? Просто надоело все. Устал от тебя и этой дерьмовой скучной жизни. Хочу чего-то нового, денег, тачку поприличнее, какой-то перспективы хочу! У всех бабы как бабы, а ты — дура... — И ушел не оглядываясь, оставив меня одну.

Вот так просто: «Я ухожу». Как будто не было этих лет... Словно он каждый раз после очередного запоя, пьяного дебоша или скандала не умолял: «Прости. Не уходи. Ты нужна мне как жизнь, как дыхание. Я перестану пить. Только будь рядом, я все сделаю, я изменюсь».

Ну да, изменился он. Ага, как же. Только в худшую сторону. Пить стал больше, работать меньше, а во мне окончательно перестал видеть человека. Деньги отдавать тоже перестал,

от слова «совсем». Который месяц я с трудом обеспечивала наше существование, включая снеки и пиво для мужа и его друзей, целиком из своего кармана. Зато я превратилась для него в домашнего любимца, который по первому слову приносит в зубах тапочки и на которого по пьяной лавочке не зазорно поднять руку. Безделье и власть над кем-то развращают, даже если это лишь иллюзия власти.

Устал... И надоело или надоела? Что ж, Митя, перспективы так перспективы, против такого аргумента и с бульдозером не попрешь. Прощай и не грусти...

Впрочем, не важно. Бог с ним. Хватит киснуть, давно пора выходить из глубокой депрессии, куда я загнала сама себя.

Да, я боюсь чертова колдуна, признаю. До дрожи, до подгибающихся коленок, до криков ужаса. Боюсь так, что мне страшно высунуться на улицу, войти в толпу, прокатиться в метро. Его обрзина мерещится мне на каждом шагу, заставляя обливаться холодным потом. В каждой витрине, газете, в цветном журнале, в каждом уличном баннере мне чудится его злорадная улыбка, в ушах смертельной музыкой звучит последнее обещание.

Но этот страх меня почти убил. Смысл бояться ЕГО, чтобы превратиться в домашнюю собачку пивного алкоголика, почти бомжа? Мне! Не смешно.

И меня замучили сны. Сны, в которых ко мне приходит мелком мой синеглазый воин. Наверное, любой психиатр скажет, что он — плод моего воображения. Или что это моя сублимация. А может, что я наконец в состоянии принять свои потребности и храбро посмотреть им в лицо. Но я знаю, что это не так.

Солнце мое, синеглазый воин... любовь моя, печаль моя. Минуло много лет, а твой образ стоит перед глазами запретной размазанной темной дымкой, я не вижу и не узнаю твое лицо, только любящие и любимые глаза.

И я устала искать тебя через годы и расстояния, встречать и терять бесконечное количество раз. Не хочу больше, не выдержу — сломаюсь. Я уже почти сломалась, превратилась в дрожащую крысу, которой бьют током по оголенным нервам, в медузу, в желе, которое трясется от малейшего движения.

Хватит. Больше я не сдамся. Даже без последнего камня жизнь продолжается. А ты, любимый, на этот раз живи. Живи

без меня. Я сильная, я справлюсь. И ты сильный, я знаю. Не встретив свою погибель, ты женишься и заведешь кучу красивых детей. У тебя все будет хорошо, потому что иначе быть не может. Я люблю тебя и буду любить всегда, но ты этого уже не узнаешь. Мое время почти вышло, и это замечательно. Лишь отсутствие последнего камня сильно огорчает меня — ненавижу рабство в любых его проявлениях! Впрочем, и это не важно тоже.

Вторая неприятность случилась на работе. Я работала в маленькой туристической фирме на трехмесячном испытательном сроке, помпезно именуясь менеджером, а на самом деле — оформляла бумаги в посольствах, высиживая долгие очереди, работала на полставки секретарем, варила для всех кофе и еще бегала курьером.

В таких фирмочках обычно мало персонала, они в основном семейного типа: никого из своих не выгонишь, а «свежая кровь» в коротких юбочках и прочие развлечения в основном обеспечиваются за счет притока стажеров, которых меняют как перчатки безо всякой пощады.

Сегодня пришел мой черед.

Как только я пришла утром в офис, меня немедленно вызвал наш хозяин Иван Михайлович Котельников, пожилой обрюзгший мужчина с сальным взглядом, и задал все тот же, уже три месяца повторяемый изо дня в день вопрос:

— Надумала?

— Нет.

Услышав мой ответ, Котельников озлобился и решительно сообщил, припечатав ладонью по столу:

— В таком случае ты уволена. Пиши заявление по собственному желанию, если хочешь получить расчет, и убирайся с глаз моих.

Естественно, я написала и, получив лишь половину честно заработанных копеек, вернулась в пустую съемную квартиру, за которую мне теперь нечем было платить. Но и на этом мои неприятности на сегодня не закончились: оторвалась подошва у единственной пары осенне-зимних сапог. Это было последней каплей, и я заплакала, не представляя, что делать и как жить дальше. Моих денег могло хватить на что-то дешевое, но в таком случае придется голодать.

Пребывая в полнейшем унынии и вытирая слезы, катящие градом из-под темных очков, я даже не заметила, как подошла к перекрестку.

Визг тормозов. Внезапный удар — и я оказалась посередине громадной грязной лужи. «Вот оно, достойное завершение сегодняшнего дня!» — только эта мысль билась в моей несчастной голове, пока я, замерзшая и насквозь промокшая, отползала из-под колес к тротуару.

Хлопнула дверца. В поле моего зрения оказался светловолосый мужчина лет тридцати, жутко рассерженный и начавший кричать, как только увидел ползущую меня:

— Ненормальная!!! Тебе жить надоело?! Какого хрена под колеса бросаешься?

— Извините, — пробормотала я, вытирая слезы рукавом поношенной куртки неопределенного цвета. — Я сама виновата... Задумалась.

Он присел рядом на корточки, давая возможность рассмотреть удивительно яркие глаза цвета грозового неба. И, видимо, то ли в нем проснулась совесть, то ли слишком жалкое зрелище я собой представляла, но мужчина сбавил тон и спросил:

— Ты как? Сильно пострадала? В больницу нужно?! Страховка есть? «Скорую» вызвать?

Я прислушалась к ощущениям и мотнула головой:

— Страховки нет. Я совсем не пострадала, лишь испугалась... Вы не беспокойтесь, езжайте дальше. Все в порядке, никуда звонить не надо.

Он хмыкнул на мое предложение и вдруг заинтересовался, указывая на темные очки:

— Не мешают? Вроде бы не по погоде аксессуар?

— У меня светобоязнь, — объяснила я, старательно размазывая грязь по лицу одной рукой и одергивая задравшуюся юбку другой.

Колготки, естественно, тоже приказали долго жить, не вынеся моего падения после удара машины. Ко всем вынужденным тратам прибавились еще покупка новых колготок и чистка куртки. Жизнь меня сегодня особенно усердно любила и рьяно пинала во все уязвимые места.

— О чем же ты так замечталась, что машины не заметила? — прервал мои безрадостные размышления блондин.

— Да так, ни о чем особенном, — вздохнула я. — Муж ушел, с работы сегодня уволили, сапоги порвались, денег нет и за квартиру платить нечем. Как видите, сплошные пустяки.

Мужчина присвистнул, задумался на минуту и осведомился:

— Готовить умеешь? Права есть?

Я удивленно кивнула, подтверждая и умение готовить, и наличие прав. Меня еще раз внимательно осмотрели и предложили:

— С мужем, конечно, помочь не могу, это не в моей власти, а вот с работой — запросто. Мне экономка нужна. Предыдущая вышла замуж за отставника и помахала мне ручкой. Проживание и питание за мой счет. Один выходной. Обязанности несложные: завтрак, обед и ужин в определенное время, закупка продуктов и уборка в доме плюс иногда стирка. Испытательный срок два месяца, плачу штуку в месяц.

— Рублей? — спросила я, абсолютно обалдев от такого заманчивого предложения, решающего разом все мои проблемы.

На меня посмотрели как на идиотку и разъяснили:

— Евро. Ну что? Согласна?

Это было даже лучше, чем я могла мечтать. Помимо прочих проблем решалась еще одна, но самая важная: там меня найти будет намного труднее.

— Я согласна.

— Вот и прекрасно! — удовлетворенно заметил мужчина. Просветил: — Меня зовут Максим Александрович Воронцов.

— Эля, — отрекомендовалась я, пытаюсь придать себе устойчивое вертикальное положение.

С любопытством глядя на мои попытки, Максим Александрович соизволил протянуть руку и, схватив за предплечье, выровнять. Ну и силища у него — вцепился, будто стальным захватом!

— Садись в машину, Эля. Поедем знакомиться с рабочим местом, — взял быка за рога... извините, меня за локоть, мой будущий работодатель и потащил к задней двери.

На подходе я начала сопротивляться:

— Я вам тут все запачкаю!

Блондин остановился, окинул взглядом меня, обляпанную грязью в лучших традициях абстракционизма, потом, безмолвно соглашаясь с моим заявлением, порылся в багажнике джипа и, выудив тряпку, всучил ее мне со словами:

— Постели на сиденье.

Устроившись на заднем сиденье, я с интересом прилипла к окну, рассматривая, куда мы едем. Ехать пришлось минут сорок, до загородного закрытого поселка, что привело меня в дикий восторг. Идеальное место, чтобы спрятаться! Никто посторонний не прорвется, и искать не догадаются. Проехав пропускной пункт и сделав еще пару поворотов по внутренней дороге, мы остановились у довольно внушительного двухэтажного особняка.

Выйдя из машины, Максим проводил меня вовнутрь, показывая немаленьких размеров дом, пока не довел до своего кабинета. Там, усевшись за стол, он потребовал:

— Паспорт и права.

Получив запрашиваемое, проверил документы и вернул мне права, сообщив:

— Паспорт останется у меня на время испытательного срока. Если документ будет нужен — просто скажи заранее.

Я пожалала плечами: не так уж часто мне приходилось пользоваться этим паспортом. Работодатель развалился в кресле и приступил к выдаче инструкций:

— Значит, так... Завтрак в восемь ноль-ноль должен стоять на столе, обед — в четырнадцать ноль-ноль, ужин — в двадцать ноль-ноль. Деньги на продукты будешь получать каждый понедельник. В холодильнике всегда должна стоять охлажденная бутылка шампанского и легкая закуска. Особых пристрастий в еде у меня нет, так что готовь что хочешь, лишь бы вкусно. — Он полез в ящик стола и вытащил связку ключей. — Здесь ключ от входной двери, электронный ключ от гаража и внешних ворот и ключ от «опеля». И еще рекомендация: чем меньше ты будешь мозолить мне глаза, тем дольше проработаешь. Усекла?

Я заверила, что усекла и прониклась, и мне показали место моего нового проживания. Комната мне очень понравилась: она была расположена на первом этаже, не слишком большая,

но светлая и уютная. Максим подождал, пока я осмотрюсь, и предложил:

— Оставайся сегодня здесь, а завтра съездишь за вещами и решишь свои дела. Завтрак утром можешь не готовить. Деньги на продукты оставлю на кухонном столе. И еще... подожди, я сейчас вернусь.

Не было его минут десять. За это время я успела рассмотреть обстановку, в которую входили односпальная кровать, прикроватная тумбочка, маленький телевизор и встроенный шкаф. И самое главное — у меня была своя отдельная душевая кабинка и туалет! То ли жизни надоело устраивать мне пакости и она решила ради разнообразия слегка улыбнуться, то ли в кои-то веки я вытащила лотерейный билетик. Такого со мной давненько уже не случалось. Вы даже не представляете себе, насколько давно!

Вернувшийся работодатель протянул стопку одежды и пояснил:

— Нужно тебе во что-то переодеться... Не поедешь же ты завтра во всем грязном! — демонстративно окинул взглядом мой внешний вид. И продолжил: — В ванной есть халат и шлепанцы, здесь футболка и спортивные штаны, а где стиральная машина, ты уже видела. Захочешь есть — холодильник в твоём распоряжении. Хм, и я совсем не буду возражать, если и мне что-то перепадет на ужин...

С этими словами он ушел, а я закрыла дверь на ключ и поторопилась в душевую, но по дороге зацепилась взглядом за зеркало на стене, невольно останавливаясь. Да уж... Как меня не приняли за чучело — неизвестно! Видимо, у Максима Александровича доброе сердце и весьма хорошее зрение, поскольку то, что я вижу в зеркале, женщиной назвать крайне сложно! Белый беретик, давно потерявший форму и обзаведшийся махрушками, стал серым и еще более жалким. Лицо измазано грязью, которую, в свою очередь, прочертили дорожки слез. Цвет куртки вообще определению поддавался с трудом, хотя раньше был серым.

Я вздохнула и, на всякий случай оглядевшись в поисках камер, скинула тряпье, сняла очки и шагнула в душ. После горячей воды и порции хорошего мыла настроение подскочило еще выше, и мне захотелось сделать Максиму приятное — на-

пример, приготовить ужин. Переодевшись в любезно предоставленную хозяином одежду и замотав шарфиком практически высохшие волосы, я надела очки и отправилась на кухню. Изучив содержимое холодильника, пришла к неутешительному выводу о нехватке необходимых ингредиентов для предварительно задуманного мной меню и значительно его упростила, основываясь на имеющихся продуктах.

Пока на плите все кипело и булькало, я успела постирать и высушить свою одежду. К девяти часам вечера стол был сервирован, и, отложив себе мини-порцию на тарелку, я подошла к лестнице, ведущей наверх, крикнула:

— Максим Александрович, ужин готов! — и ушла к себе.

Вскоре вниз прогрохотали шаги голодного (как я предполагала) мужчины. Его ждала курица по-французски и свежий салат с авокадо. Минут через сорок в дверь деликатно постучали со словами:

— Спасибо, все было очень вкусно. Я рад, что не ошибся с выбором.

Дождавшись, пока хозяин уйдет, я вышла, помыла посуду и отправилась спать, заведя будильник на семь часов утра.

Раскаленный песок жестко скрипит под босыми ногами, стертыми в кровь тяжелыми кольцами ножных кандалов. Подошвы буквально дымятся. Длинная вереница невольниц, скованных цепью в одну линию, тащится медленно-медленно. Жаркое солнце нещадно палит прикрытую материей голову. И постоянная, непрекращающаяся жажда. Но воды нам почти не дают. Вместо воды дали сосать плоские шлифованные камешки. Мы идем по пустыне уже несколько часов, подгоняемые резкими гортанными окриками и ударами бичей охранников.

Кто я? Где нахожусь? Зачем я здесь? Все воспоминания и чувства стерты. Внутри холодное безразличие и пустота. Я просто иду туда, куда нас гонят, и жду хоть каких-то объяснений случившемуся. Сил остается все меньше и меньше. Вот уже первая замотанная в тряпки девушка в изнеможении опускается на песок. К ней подъезжает охранник на странном горбатом животном и, спешившись, пытается поднять, избивая плеткой и громко изрыгая ругань на непонятном мне языке.

Попытка не удастся, и девушка, мотая головой, бессильно ложится навзничь, отказываясь двигаться дальше. Тогда нам разрешают отдохнуть. Следуя отрывистому приказу, рабыни садятся на горячий песок, радуясь передышке и вполголоса переговариваясь друг с другом. Я не понимаю их слов: мне незнаком этот язык, поэтому, видимо, ко мне никто и не обращается. Вдоль ряда сидящих женщин двигается молодой мужчина с сосудом и чашкой в руках и разливает воду. Наконец доходит очередь и до меня. Я с наслаждением пью теплую, пахнущую затхлостью воду и рассматриваю разносчика. Он высок и строен, будто тополь, смугл, горбонос и черноглаз. Мужчина, удивленный моим пристальным вниманием, задает вопрос, на который я не могу ответить, не понимая ни слова.

Пожав плечами, отдаю чашку назад, но смуглый житель пустынь не торопится уходить. Долго и пристально разглядывает меня, потом, взяв за подбородок, всматривается в глаза и что-то кричит остальным.

Через несколько минут меня окружают уже шестеро мужчин, и каждый из них внимательно изучает мои глаза. Что они ищут там? И что находят? Между ними возникает горячий спор, сопровождаемый размахиванием рук и энергичными жестами. Судя по тому, как на меня поглядывают невольницы, решается моя судьба. Мне все равно...

Обсуждение длится несколько минут, во время которых к их группе присоединяется еще один мужчина в богатой одежде. Выслушав остальных, он подходит ко мне, берет за подбородок — и снова осмотр. Покрутив мою голову в разные стороны и не отрывая взгляда от моих глаз, он что-то отрывисто приказывает остальным, и вокруг меня начинается круговерть. Меня отсоединяют от общей цепи и куда-то ведут. «Куда-то» оказалось недалеко, лишь несколько метров до стоящей в стороне повозки.

Там на меня надевают другие кандалы, более легкие и удобные, и, выдав дополнительный кусок ткани, подталкивают к повозке, где уже сидят две закутанные до самых глаз девушки. Когда я пытаюсь залезть на повозку, один из мужчин останавливает меня и начинает что-то быстро лопотать, показывая на материю в моих руках. Я не понимаю, чего он хочет, и тогда, выхватив ткань, мужчина закутывает меня и подса-

живает наверх, напоследок скрепляя цепь от наручников с кольцом, прикрепленным на краю повозки. Дальше мое «путешествие» продолжается в более комфортных условиях. Конечно, жарко и душно по-прежнему, но хотя бы нет изматывающей усталости, и поят нас гораздо чаще, чем остальных.

Сейчас, когда не нужно думать о том, как бы не упасть, я старательно копаюсь в памяти, пытаюсь разобраться, каким образом здесь очутилась.

Но память упорно подсовывает мне чистый лист. Прошло-го нет совсем, оно стерто, уничтожено. Кем? Зачем? Почему? Такое ощущение, что моя жизнь началась несколько часов назад в этой раскаленной солнцем пустыне...

ГЛАВА 2

Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.
Но иногда этот путь такой извилистый, что сразу
и не поймешь, стоит ли искать.

Эля

Будильник зазвонил ровно в семь утра. Спросонья долго соображала, где нахожусь, рассматривая незнакомую комнату, и, наконец вспомнив, облегченно вздохнула и вскочила с постели. Умывшись, затянула волосы в тугой узел и прикрыла шарфом, подобно деревенской старушке. Ну и пусть, зато не привлечет мужское внимание. Следом я водрузила на нос темные очки и отправилась на кухню. Сегодня в меню были французские блинчики со взбитыми сливками и турецкий кофе, аромат которого распространился по всему дому.

Заслышав шум и шаги на втором этаже, я быстренько убрала за собой, накрыла на стол и слиняла к себе в комнату перебирать свое богатство — восемь камушков без девятого. Белая бляшка кварца, черный в серых пятнышках базальт, нежная яшма, вся в молочно-коричневых разводах, кусочек темного нефрита, зеленый авантюрин, тигровый глаз, бирюза, мини-кабошон кровавика.

Не хватает одного, особого камня, размером с голубиное яйцо; чистого, как слеза; ценой дороже мешка золота. Но его ни в одном музее не украсть, он такой один, и очень мне нужен.

Через некоторое время в дверь раздался стук, и, высунув нос наружу, я увидела своего работодателя, облаченного в деловой темно-серый костюм и белую рубашку. Впечатление он производил весьма и весьма импозантное.

— Эля, спасибо за завтрак. Деньги на продукты я оставил на столе. Может, тебе нужен какой-то аванс на новые сапоги? — сказал мне Максим Александрович, пока я на него невежливо гладела через черепаховые очки.

Переварив услышанное, я ответила:

— Нет, спасибо, не надо. Поскольку я теперь на полном пансионе, то средства на покупку обуви у меня есть. — И подумала: «Вот что с мужчиной делает сытный и вкусный завтрак — даже расщедриться готов. Получается, путь к кошельку мужчины лежит через сытную еду? Вечно меня на бредовые мысли тянет!»

В то время когда я витала в эмпиреях, мой начальник отбыл на работу, оставив мне деньги и список покупок. Изучив сей шедевр, я пришла к неутешительному выводу: мужчины ничегошеньки не понимают в благородном деле закупки еды, предпочитая получать продукты уже нарезанными на столе и в готовом виде. Хохотнула. Ну и бог с ним. Мне же лучше, если из-за этого появились средства к существованию!

Я оделась, взяла ключи от машины и поехала делать свои дела вперемишку с рабочими делами. Мне удалось совершить практически все, что запланировала: забрать вещи; переговорить с квартирной хозяйкой и отказаться от жилплощади; смотаться на несколько рынков и в пару супермаркетов. Также я стала счастливой обладательницей замшевых полусапожек на рыбьем меху и пяти платьев неопознанной расцветки и размера, пугающего множеством «иксов» перед буквой L на этикетке. В общем, на место своего нового проживания заявилась в прекрасном настроении.

До ужина еще была куча времени. Я не спеша разобрала покупки и, переодевшись, внимательно изучала себя в зеркале. Безразмерное платье длиной до середины икры, теплые овчинные чуни с шерстяными носками и головной платок, завязанный по брови, делали мой облик незаметным и малопривлекательным. Именно таким, как я и хотела. Удовлетворившись осмотром, поплыла на кухню творить кулинарные шедевры.

Вошедшего в полвосьмого вечера Максима Александровича встретили вкусные запахи печеночного торта и домашнего жаркого, а также сдача от закупки продуктов, оставленная мной на краешке накрытого к ужину стола.

По установившейся традиции в мою дверь постучали часом позднее и попросили:

— Эля, открой, пожалуйста.

— Вы что-то хотели, Максим Александрович? — спросила я, распахивая дверь.

— Вообще-то да... — начал говорить мужчина, но, увидев мой внешний вид, застыл с удивлением во взоре. Помолчав немного и придя в себя, уточнил с иронией: — Тебе удобно?

— Как нельзя более! — бодро отрапортовала я и замолкла, ожидая вопроса, с которым шеф ко мне пришел.

— Ну-ну... Это, конечно, твое личное дело — в чем ходить, только уж очень чудно выглядишь, — оценил работодатель. И продолжил: — Но я не об этом хотел спросить... Ты уверена, что купила все необходимое на неделю?

Максим ассоциировался у меня с алмазом: такой же твердый, яркий, чистый внутри. Если на минуточку представить, что камень мог стать человеком, я давно завопила бы: «Нашла!» — и с криками радости вернулась домой. Но... но. Увы. Камни людьми не бывают, хотя люди часто бывают камнями. Вот такой парадокс.

— Да. А что? — любопытствовала я. В голове мелькнула мысль: «Неужели он что-то просил, а я забыла? Вроде бы нет, ничего, кроме еды, не упоминалось».

— В сущности, ничего... просто многовато денег осталось от закупок. Поэтому и интересуюсь, — объяснил Максим Александрович.

Облегченно вздохнув, я пояснила:

— Многие продукты я купила на рынке и на оптовой базе, там свежее и дешевле.

Он как-то странно на меня посмотрел, поблагодарил за ужин, пожелал спокойной ночи и ушел.

«И что ему показалось таким удивительным?» — размышляла я во время мытья посуды и уборки на кухне. Вообще-то на кухне я разыскала встроенную посудомойку навороченной

модели, но было лень запускать ее из-за пары тарелок. И еще, наверное, привычка...

После того как все было вымыто, вычищено и приготовлено на завтрашний день, я ушла к себе, где минут двадцать пятилась сонными глазками в зомбящик, ничегошеньки не понимая в хитросплетениях сюжетной линии бесконечного сериала, а потом благополучно уснула.

Вечером наш караван подошел к оазису. Бедуины развили бурную деятельность, чтобы обустроить живой товар. Поставив несколько легких шатров, они натянули подобие тента над невольницами, которые по-прежнему оставались скованными цепью друг за другом. Затем девушкам выдали по паре фиников, пресную лепешку и чашку воды. Нас троих сняли с повозки и отвели в один из шатров, где позволили напиться и поесть. В отличие от других, к нашим лепешкам полагались кусок вяленого мяса, пригоршня размоченной кашицы — не то крупы, не то гороха, и несколько кусочков сочных фруктов. Видимо, сказывалось привилегированное положение.

Почему они отобрали меня? По каким причинам? Додумать мне не дали. Пришедший юноша дернул меня за ручную цепь и жестами приказал следовать за ним. Приведя в другой шатер и поклонившись мужчине в белом бурнусе и богатых одеждах, мелкий покинул нас, оставляя наедине.

Мужчина встал, обошел вокруг меня несколько раз и начал разматывать ткань, укутывавшую мое тело с головы до ног. В результате он оставил меня практически обнаженной, если не считать набедренной и нагрудной повязок.

Поцокав языком от восхищения, взвесил на руках волосы, спускавшиеся ниже талии. Намотал их на руку, подтащил меня к горевшему факелу, рассматривая удививший его оттенок: в темно-каштановых волосах, закручивающихся крупными кольцами, мерцали огненные блики. Правда, все это великолепие, которым он восхищался, мне показалось довольно жалким из-за грязи и пота.

Но о вкусах, как говорится, не спорят... Отпустив волосы, мужчина отошел в сторону и, не спуская с меня глаз, намочил в кувшине тряпку, после кинул ее мне, показав жестами, чтобы вытерла лицо.

Этот приказ я выполнила с удовольствием, избавившись от грязи и соли, тонким слоем покрывавших кожу. После того как закончила, я подверглась еще более тщательному осмотру, начиная от лица и заканчивая ступнями ног. Стертые до крови лодыжки ему не понравились, и, замотав меня обратно в ткань, мужчина громко крикнул, словно кого-то подзывая.

На крик в шатер немедленно зашел юноша, которому были отданы какие-то указания. Молодой человек выслушал, низко поклонился и повел меня обратно. Уже в шатре, отведенном для нашего ночлега, он подошел к одной из девушек и что-то произнес. В ответ на его слова та покорно склонила голову и подошла ко мне. Присев рядом, ткнула пальцем себя в грудь и сказала:

— Алейда.

Я поняла, что так ее зовут. После она показала в мою сторону и выразительно спросила, тыкая пальцем в грудь, как мое имя. Криво улыбаясь, я огорченно пожалала плечами: если б я знала!

Улыбнувшись, Алейда потрепала меня по руке и начала обучать местному языку, оказавшемуся на удивление несложным. Я уже выучила с пяток слов, когда в шатер вошел пожилой мужчина в белой просторной одежде. Он смазал мои раны на лодыжках зеленой мазью, приятно пахнущей чем-то горьковатым и свежим, и замотал поверх мази узкими полосами материи, препятствуя контакту металла с кожей. После его ухода мы еще немного поучили с Алейдой язык и вскоре улеглись спать.

ГЛАВА 3

Встреча прошлого и будущего часто влияет на настоящее. Часто физически.

Эля

Будильник, как обычно, прозвенел ровно в семь...

Моя жизнь покатила по размеренной колее: уборка, готовка, стирка, глажка. С утра, накормив Максима Александровича завтраком, я принималась за домашнюю работу и го-

товила обед. После обеда мне изредка требовалось выехать в город для пополнения запасов продуктов. Деньги мне всегда оставляли и отчета уже не требовали, как будто работодатель знал, что я его не обману и себе лишнего не возьму. С одной стороны, подобное доверие не могло не радовать, а с другой — накладывало определенные обязательства.

Незаметно прошел месяц, в течение которого у Максима Александровича были в гостях несколько дам. Я их не видела, но смогла определить, что это не одна и та же посетительница, по звуку шагов, смеху и цвету помады на бокалах и простынях. Утром, меняя постельное белье после их ухода, я физически ощущала запах секса, пропитавший спальню насквозь. Видя после этого Максима Александровича в разбитом состоянии, я понимала, почему это происходит, но с этим ничего поделать не могла.

В субботу вечером, когда я мыла посуду после ужина, внезапно появился Максим Александрович, никогда до этого не спускавшийся вниз после того, как трапеза заканчивалась. Услышав его шаги, я напряглась, но посуду мыть не перестала, ожидая объяснения причины, заставившей его изменить свои привычки.

— Эля! Завтра месяц, как ты работаешь у меня, и я решил выдать тебе заработную плату заранее. У тебя завтра выходной, и, возможно, ты захочешь что-то себе купить, — раздался за спиной спокойный голос.

— Спасибо, — пробормотала я, неподдельно тронутая заботой.

Обернувшись, вытерла руки и приняла протянутый конверт, спрятав его в карман фартука. Зачем мне было говорить ему, что я не собираюсь ничего покупать и тратить эти деньги, а отложу средства на будущее? Не желая снова оказаться в ситуации отчаянного безденежья, я давно решила для себя, куда пойдут заработанные средства, — в банк, и никуда больше, следуя принципу кота Матроскина: «А я ничего не буду! Я экономить буду!»

— Эля, я хотел бы расспросить тебя о личном, если ты не возражаешь. — Максим Александрович стоял в дверях, опершись плечом о косяк двери.

Обманчиво-равнодушный тон не ввел меня в заблуждение. Ясно чувствовалось, что свой вопрос он все равно задаст и мои возражения тут особой роли не сыграют, поэтому пришлось кивнуть головой в знак согласия.

— Почему вы расстались с мужем?

Первым желанием было выпалить: «А вам какое до этого дело?» Но не думаю, чтобы этот ответ вызвал адекватную реакцию. Лишиться места работы мне отчаянно не хотелось.

— Не знаю, — честно ответила я, не поднимая головы. — Он просто собрал вещи и ушел, сказав, что ему все надоело, он устал, хочет лучшей жизни и перспектив, особо не распространяясь, почему и зачем, что его не устраивает.

— И ты не пыталась узнать? — В голосе Максима Александровича слышалось плохо скрываемое любопытство.

— Пыталась, и даже про другую женщину спрашивала. Но внятного ответа не получила. Да оно и к лучшему. Я тоже устала от бесконечной пахоты без слова благодарности. Он прав: пора начинать новую жизнь. Мы смертельно устали друг от друга.

— Скажи, а ты хотела бы с ним встретиться? — продолжил допрос работодатель, не сводя с меня пристального взгляда.

— Нет. Все слова уже сказаны. Есть люди, которым всегда мало, — это я про своего бывшего. И я не прощаю предательства, с меня довольно, — сообщила я и принялась ожидать следующих вопросов, но их не последовало.

Тогда я еще не знала, что начальник службы безопасности моего работодателя специально нашел Дмитрия. После телефонного звонка Максим Александрович и мой гражданский муж встретились.

Встреча произошла в любимом заведении Дмитрия «Три карася», где подавали достаточно качественное и дешевое пиво, которое мой сожитель с приставкой «экс» обожал всей своей уставшей от меня душой. Поздоровавшись и обменявшись рукопожатием, мужчины уселись за столом. Дмитрий спросил:

— Чем обязан?

— Я бы хотел поговорить с вами об Эле, — объяснил причину встречи Максим.

— А что о ней говорить? Баба как баба, только с придурью и выкрутасами, — заявил Дмитрий и присосался к пол-литровой кружке с пивом, услужливо принесенной подавальщицей. — Больно запросы... высокие, словно у королевишны. Ношеное не покупает и не носит, доедать-допивать за кем-то брезгует, скорее голодной останется. Друзей моих закадычных не привечает и не любит, не пьет в компании...

— И в чем еще выражаются ее выкрутасы? — осторожно спросил собеседник, отодвигая свою кружку и внимательно разглядывая Дмитрия.

Последний сначала пьяно оживился, даже разразился матерной тирадой, потом потух, лениво пожал плечами и вполне искренне ответил:

— Вы лицо ее видели? А фигуру? Девке бы на мировых подиумах выступать и в конкурсах красоты участвовать, а она в балахоны заматывается и очки на пол-лица таскает, распустеха. Будто морду прячет. Зачем, спрашивается? Сколько я ни выпытывал, вразумительного ответа так и не получил. Глаза опустит и молчит, дура деревенская.

— Если она настолько красива, почему же вы от нее ушли? — прозвучал резонный вопрос.

— Да потому что надоели ее покорность и молчаливость хуже горькой редьки! Ни слова поперек, ни полслова! Я ее с горя даже поколачивать начал, а она все терпит, не жалуется, только плачет тихонечко в подушку и глаза опускает, на меня не смотрит, словно вконец опротивел! — взорвался Дмитрий. — Она могла бы такие бабки заколачивать, мне и не снились! Так нет же, сидит на своих копейках, одевается в дешевое китайское барахло и радуется!

Максим переглянулся с начальником охраны, стоявшим поодаль. В глазах у них читалась одна мысль: «И как она терпела эту гниду столько лет?»

А Дмитрий распалился и стал размахивать руками, разбрызгивая себе на одежду пивную пену:

— Сколько раз ей талдычил: «Будь с мужиками поласковой, поверти жопой, приголубь!» Богатых чуваков к нам знакомиться приводил — и все попусту! Мы могли бы как сыр в

масле с икрой кататься, ее внешность — это ж золотые горы и жемчужные берега, а эта ослица уперлась, словно целка. Тоже мне, телка нашлась нецелованная. Принцесса! Можно подумать, от нее убудет!

— Спасибо за информацию, — холодно сообщил Максим и встал из-за стола, стараясь побороть брезгливость к альфонсу.

Уже на пороге босса догнал Дмитрий и, вцепившись в рукав, заискивающе спросил:

— Где она? Я могу с ней встретиться?

— Зачем?

— Ну, мне без нее плохо, я по этой дуре соскучился, хавчик из магазина и шаверма тоже прилично приелись, да и услуги приходящей б... уборщицы обходятся дороговато... И найти свою бабу не могу: как сквозь землю провалилась, — поведал собеседник, глядя несчастными глазами.

— Я ее спрошу, и если Эля захочет, то свяжется с вами, — отрезал Максим.

Отцепив руку Дмитрия от своей, он медленно направился к машине, испытывая одновременно несколько чувств — гадливость, удивление и недоумение.

Не зная об этом разговоре, мне тяжело было понять, чем вызвано такое пристальное внимание к моей скромной персоне. Я решила прекратить этот тяжелый для меня разговор, сказав:

— Если у вас ко мне больше вопросов нет, я могу идти спать?

— Да, конечно, — задумчиво ответил Максим Александрович.

— Тогда спокойной ночи!

На следующее утро старик, выполняющий обязанности лекаря, зашел опять и был поражен скоростью заживления ран на моих лодыжках. Покачав головой, он сменил повязки и покинул шатер, бормоча что-то себе под нос. После скудного завтрака, состоявшего из фиников, сухой лепешки и воды, нас снова замотали в ткань и, посадив в повозку, приковали. Сле-

дую приказу рабовладельца, меня и Алейду приковали рядом, и она смогла продолжать обучение языку. Достаточно скоро я уже могла понимать простейшие приказания, такие как: сидеть, стоять, есть, идти... ну и так далее. Мучаясь потерей памяти, тем не менее я прекрасно усваивала новый язык, и учеба шла полным ходом.

Дни были похожи один на другой как две капли воды. Не происходило ничего нового: мы ехали днем и останавливались ночью. Наша троица тщательно изолировалась от остальных невольниц, и охрана к нам тоже не приближалась без особой на то необходимости.

На пятый день путешествия мне стало плохо: тело охватила жуткая слабость, голова кружилась, и я практически теряла сознание. Алейда, увидев мое состояние, сначала умоляла меня держаться и прийти в себя, боясь, что больную рабыню убьют или попросту оставят в пустыне, но мне становилось все хуже и хуже, и тогда она закричала, прося о помощи. Подъехавший охранник оценил обстановку и поскакал докладывать хозяину.

Вскоре караван остановился, и рядом со мной появился лекарь, который, осмотрев меня, развел руками, не найдя никаких признаков заболевания и расписываясь в собственном бессилии. Вокруг меня столпилось трое или четверо мужчин. Они возбужденно переговаривались между собой, решая мою судьбу.

Внезапно я почувствовала облегчение. Как будто кто-то влил в меня по капле струйку энергии и жизнь вернулась. Не дожидаясь решения мужчин, я привстала, уверенно села на повозке и на ломаном языке сообщила:

— Я хорошо.

Они замерли и уставились на меня с изумлением. Это было понятно: практически умирающая женщина вдруг приходит в себя как ни в чем не бывало. Лекарь еще раз осмотрел меня и снова развел руками, на этот раз показывая, что его услуги здесь не понадобятся.

— Кто ты? — Подошедший ко мне хозяин приподнял мой подбородок рукоятью плети и заглянул в глаза.

— Я не знаю, — призналась честно.

ГЛАВА 4

Внешность — это фасад. Меня больше волнует внутренняя отделка.

Эля

Раннее утро встретило прохладой из неплотно прикрытой форточки. Вылезать из-под одеяла категорически не хотелось. Но, грустно вздохнув и мимолетно подумав о тяжелой женской доле, я бодро вскочила с кровати и помаршировала в душ. Умывшись и приведя себя в порядок, я отправилась к плите и поразила воображение и желудок Максима Александровича омлетом с креветками по-испански, неострым салатом и нежно хрустящими круассанами к свежесваренному кофе.

Проводив до ворот гаража работодателя, стремящегося на ратный подвиг (то бишь в городской офис), я занялась рутинными делами, целый день летая по дому наподобие электровеника. И настолько заработалась, что не услышала вечером стука входной двери.

— У тебя красивые ноги, Эля... — Голос Максима заставил меня подпрыгнуть от испуга и сделать в воздухе практически немислимый кульбит, поправляя и одергивая подол.

— Извините, Максим Александрович, такого больше не повторится, — жалко пролепетала я, стараясь не пересекаться с ним взглядом.

— Ну почему же, — весело отозвался он. — На тебя было очень приятно смотреть. — Максим помолчал и добавил: — Эля! Удовлетвори, пожалуйста, мое любопытство...

— Да? — прошептала я, внутренне настраиваясь на худшее. И дождалась...

— Пожалуйста, снимите очки, — попросил Максим. — Всего на минуту.

— Зачем это вам? — попробовала оказать некоторое сопротивление, тоскливо осознавая, что уж если у мужчины в голове завьюжило, то ничем не выбьешь.

— Просто удивительно! Ты работаешь у меня уже больше месяца, а я до сих пор толком не видел твоего лица, — спокойно объяснил энцефалитный клещ в лощеной упаковке. — Прямо невидимка какая-то!

— Видели! — не собиралась я сдаваться ему без боя. — На фотографии в паспорте.

— И ты действительно считаешь, что там можно кого-то рассмотреть? — засмеялся бизнесмен, не унимаясь и не отступая с выбранного пути.

До меня окольными путями дошла незамысловатая истина: я попала! Очень сильно влипла. Скорее всего, после тщательного осмотра у меня опять начнутся серьезные проблемы. Но отступить было некуда. Видимо, я настолько расслабилась в атмосфере гостеприимного дома, что забыла про элементарную осторожность. Дура набитая, кто ж спорит: мне нельзя расслабляться.

Быстро прокрутив в мозгу обстоятельства и не найдя выхода из создавшейся ситуации, с видом идущей на казнь я медленно стянула очки и застыла, не поднимая глаз. Паника рвала меня изнутри когтями, выла дурным голосом, толкая на отчаянно-безумные действия.

— О боже! — выдохнул мужчина, разглядывая мое лицо.

Я просто физически ощущала его восхищенный взгляд и мысленно ежилась, холодея от собственных предположений.

Но продолжения с его стороны, как ни странно, не последовало... Вернее, оно последовало, но абсолютно непредсказуемое.

— Спасибо, Эля, — тихо сказал Максим Александрович и начал разворачиваться, чтобы уйти.

В удивлении кое-как нацепив очки на нос дрожащими пальцами, я потрясенно его спросила:

— И это все? Вопрос снят?

— А что ты еще ожидала? — спокойно откликнулся мужчина, не оборачиваясь.

— Не знаю, — честно ответила я, судорожно стискивая руки в замок.

— Тогда зачем спрашиваешь? — полуобернулся он.

Закаменевшее лицо ничего не выражало, зато вся его поза, глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, сжатые кулаки — излучали с трудом подавляемый гнев. Вскоре он все же выплеснул его, но совершенно странным образом. Невесело усмехаясь, Максим добавил:

— Я не набрасываюсь на женщин, знаешь ли... даже на таких красивых, как ты, — и ушел.

Я стояла в ошеломлении, не зная, то ли мне смеяться, то ли плакать... Поторчав еще немного посреди комнаты и поизображав из себя три тополя на Плющихе, я все же прислушалась к вибрирующему организму и плюхнулась на задницу, где стояла. Ноги отказали напрочь, скооперировавшись для такого случая с головой.

Усевшись на полу в позе лотоса и наплевав на условности, я решила, что хуже не будет и лимит неприятностей на сегодня исчерпан. Голова гудела, будто огромный Царь-колокол. Сердце внутри колотилось о ребра, словно собираясь позорно сбежать от хозяйки. Даже не заглядывая в зеркало, я была уверена, что форма зрачков изменилась. Пальцы на руках и ногах похолодели, их скрючило.

Все плохо.

Медитация! Мне до зарезу требовалась медитация! Благо время позднее; для таких, как я, — самое благоприятное. Раскинув руки в стороны и соединив большой и указательный пальцы, я принялась выводить сознание на иные планы бытия... Нити окружающей меня реальности со звоном натянулись, вибрируя предупреждением для остальных обитателей этого плана. Они поранили эфир несколько раз невыносимыми нотами резонанса и... затихли. Надо полагать, смирились. Или решили, что я безвредна для окружающих.

«Динь-дон, ди-инь-донн!» — резонировали мои камешки.

Танцующие искры-капельки надежды падали на мою макушку, пропитывали стаю мелких светлячков, составляющих мое тело, озаряли пылающее сердце.

Кап. Капп. Ка-апп...

Тяжелыми маслянистыми каплями стекали вниз страх и злоба, ярость и отчаяние, выгорая или переходя в более привычную энергетическую форму. Поначалу во время моего очищения вокруг крутилась стая мелких пиявок-паразитов. Но мое присутствие, видимо, по мере проявления моей истинной сущности их напугало. Стайкой бело-серебристых рыбешек ушли они с прикормленного места, уплывая искать счастья в других домах, где обитатели слепы, тихи и серо-нейтральны. Ну их. Пускай...

Мне удалось достигнуть определенного состояния холодной уверенности, глубокого сосредоточения и спокойствия... Я воссияла парящим радужным облачком, насыщаясь до отвала. Блаженство!

И лишь я успела частично напитаться витающей в комнате дармовой энергией и заодно напитать проголодавшиеся камешки, как хлопнула дверь. Встревоженный Максим поинтересовался, нависнув надо мной и мешая получить заслуженный кайф:

— С вами... с тобой все нормально?

— Не совсем, — обтекаемо выкрутилась я, лихорадочно соображая, прикрыты у меня коленки или вновь свечу привлекательными частями тела.

— «Не совсем» — это на какую половину? — попытался неуклюже пошутить работодатель.

— На лево-правую! — ответила я в тон. Подумала и пояснила: — Вы вторгаетесь в мое личное пространство, а у меня комплекс. — (Он удивленно выслушал, наклонив голову.) — Я болею от этого!

— А есть какое-то заболевание, которым ты не страдаешь? — язвительно поинтересовался Максим, на всякий случай отодвигаясь.

Распахнув глаза и глядя на него сквозь очки кристально честным взглядом, которого он не видел, я любезно сообщила:

— Конечно! Воспаление простаты мне точно не грозит, потому что у меня ее нет!

— Уверена? — саркастически осведомился он.

— Даже не знаю... — протянула задумчиво. — При последней медицинской проверке не было, но кто его знает — может, уже выросла на мое счастье?..

— Почему «на счастье»? — Максим Александрович впал в протрацию.

— Потому что тогда я смогу претендовать на Нобелевскую премию, — пустилась домработница в разъяснения. — А пока точно в этом не уверена, то пойду-ка разогревать ужин.

Легко поднявшись с пола, отправилась на кухню. Вскоре ко мне присоединился Максим. Он вел себя, как всегда, пре-

дельно корректно. Ужин прошел гладко (если не считать оценивающих взглядов мужчины) и в полном молчании.

Перемыв посуду и поставив мясо на разморозку, я уточнила завтрашнее меню и потопала спать, культурно пожелав Максиму Александровичу спокойной ночи.

ГЛАВА 5

Случайные встречи могут перерасти в постоянные связи!

Амариллис

Через несколько дней наш караван прибыл на невольничий рынок, расположенный в одном из самых крупных городов — Ланкуре.

Ланкур стоял на перекрестке всех торговых путей и соперничал своими размерами и богатством со столицей — Изумдом. Каждый уважающий себя богач или аристократ (и то и другое часто совмещалось) стремился иметь дом в Ланкуре.

К этому располагал и самый большой на всю страну невольничий рынок, где продавались рабы и рабыни всех возрастов и цветов кожи.

Эти сведения с придыханием сообщила мне Алейда, пока я одним глазом из-под чадры рассматривала проплывающие мимо улицы.

Стоило заметить, что, во-первых, овладение местным языком шло семимильными шагами, и я уже довольно бойко чиркала на их диалекте. Только вот тем для бесед находилось немного.

Во-вторых, мне начали сниться странные сны, которых я до конца так и не понимала. Кто-то кого-то куда-то звал. Влек, манил и подталкивал...

И во сне я часто видела привлекательную девушку. Она говорила мне что-то — я не слышала, что, лишь видела, как шевелились ее губы, — и протягивала мне горсть камней, разноцветную морскую гальку. Последний камень, красивое граненое яйцо, отбрасывающее яркие блики, она подкидывала в небо, но не ловила.

Утром я просыпалась свежая, как чистая питьевая вода, которой мы уже не видели неделю. Вместо нее нам выдавали некую жидкость, пахнущую затхлостью. Туда кто-то заботливый, видимо, чтобы мы в дороге не поумирали от кровавого поноса, щедро выдавил лимонов. И эта гадость была еще и с кисловатым привкусом. Лимонад по-бедуински, так сказать...

Отвлеклась. Несмотря на трудности, я открывала глаза с энтузиазмом, бурля энергией, зато охрана страдала на всю голову, словно день и ночь пила хмельное. Такое ощущение, что голова была одна на всех и они ее носили по очереди.

В-третьих, караванщики начали меня сильно недолюбливать. Охранники — те вообще смотрели с отвращением на мою бодрость и энергию. А поскольку я считалась достаточно ценным товаром, то они срывались на менее ценном, и вторая категория женщин объединилась в своей нелюбви с охраной.

— Ты как? — толкнула меня в бок Алейда. — Интересно?

— Да, — коротко кивнула я, позванивая наручными кандалами.

Кто-то манкировал своими обязанностями по охране и надеялся на железо. Зря. Вся эта тяжесть крепилась к деревянной телеге. Я уже давно поняла, что для меня это не преграда, но старалась не провоцировать таких сладких мужчин с острой добавкой из кнутов.

Перед тем как мы въехали-вошли в город, нас всех умотали с ног до головы в тряпки. Мне досталось больше всех как самой драгоценной. Это мне Алейда по дружбе пояснила:

— Прикрывают — значит ценят.

— Не похоже, — пробурчала я из-под слоев вонючей от пота ткани, которая пережила уже не одну рабыню, но не дожидая ни до одной стирки. — Похоже, меня просто решили уморить.

— Если бы решили, — девушка показала бровями на следующую телегу, битком набитую менее ценным товаром, и дальше на вереницу плетущихся пешком девушек, — отдали бы к ним. А так охраняют.

— Еще неизвестно, кого от кого, — еще тише сказала я, отфыркиваясь и пытаюсь дышать через раз.

Сейчас стало еще хуже. Припекало полуденное солнце. Вокруг летали назойливые насекомые, норвящие напиток

моей крови, которую я, кстати, никому не жертвовала даже из сострадания.

К слову говоря, мне, как выяснилось, вообще были неведомы обычные эмоции или чувства. Все, что я ощущала, — голод, жажду и одуряющую усталость. Эмоциональная сторона для меня оставалась загадкой за семью печатями. Там, где другие боялись, истерили, злились, ненавидели или плакали, я молча глазела.

— У меня чешется ухо, — сказала я Алейде. — И эта подарочная оболочка мешает мне рассматривать местные достопримечательности!

— Потерпи, — пожалела меня подруга. — Скоро приедем. Все равно никак не поправишь.

Это было тонко подмечено. Эти идиоты приковали наши руки к краю телеги, но стянули за спиной.

Я пыталась как-то повозиться, потереться лицом о плечо, но сделала еще хуже, чем было. Обзор закрылся окончательно.

— Надоело! — решительно заявила я и начала действовать в своих интересах.

Я оперлась сзади на руки, выпростала из необъятного платья ногу, спокойно загнула ее и поправила на лице занавеску, попутно почесав ухо и нос.

Наступила гробовая тишина.

— Бесстыдница! — с поднятым кнутом ко мне ломанулся один из охраны. — Как ты могла обнажить то, что предназначено для покупателей?!

— А какая разница? — хладнокровно спросила я. — Все равно показывать. Так пусть будет раньше, вместо тренировки.

— Блудница! — заорал второй, поправляя немного вздувшиеся спереди штаны.

— Полезное качество, — не стала отрицать я. — Мне уже рассказали в подробностях, что меня ждет. Я приняла к сведению и заранее практикуюсь.

— Охальница! — подлетел самый старший из охраны и все-таки занес надо мной кнут.

Я молча смотрела на опускающееся орудие наказания, не отводя взгляда и не шевелясь.

— Стой! — Кнутовище перехватила сильная смуглая рука.

Я перевела взгляд и встретилась с глазами цвета грозового неба на загорелом лице.

— Интересно... — сказал мужчина, внимательно меня рассматривая.

Что он мог увидеть подо всем этим вонючим великолепием, я откровенно не понимала. Пользуясь моментом, тоже изучала своего неожиданного спасителя.

Породистое лицо с правильными чертами. Черные брови взлет над чуть поднятыми к вискам глазами. Нос с горбинкой. Две симметричные продольные складки на скулах подчеркивали полноту губ. Упрямый подбородок с чуть заметной ямочкой. Волосы скрыты под белым тюрбаном. Головной убор без украшений, но из очень дорогой ткани.

— Нравится? — чуть искривились в усмешке притягивающие меня губы.

— Неплохо, — раздула я ноздри, вбирая свежий запах незнакомца и постепенно скользя взглядом вниз от шеи.

Мой спаситель отличался достаточно высоким ростом по сравнению с остальными участниками. Так же, как выделялся более дорогой одеждой и гордой осанкой.

Белая безрукавка, стянутая на тонкой талии золотистым шелковым поясом, открывала верхнюю часть безволосой мускулистой груди. Белоснежные шелковые шаровары не стесняли движений, но и не оставляли простора воображению и были заправлены в мягкие сапожки кремового цвета.

На бицепсе левой руки широкий браслет из листового золота с причудливой вязью, перекликающийся с точно таким же украшением на правом запястье. Только камни в центре украшений разные — в одном крупный рубин, в другом — сапфир таких же размеров.

— Я хочу ее, — обратился мужчина к подоспевшему начальнику каравана. — Сколько?

— Господин Агилар, — заюлил толстяк в расшитом золотом халате. — Это невозможно...

— Это ты говоришь МНЕ? — сдвинул брови мужчина, отпуская мой подбородок и поворачиваясь к наглецу. — Ты смеешь мне отказывать?

— Господин Агилар... — Начальник каравана попытался упасть на колени и поцеловать землю у ног мужчины. Я брезг-

ливо поморщилась — мало мы пыли в дороге съели, нужно было еще добавить? — Я послал с гонцом уведомление о девушке господину Зайдану. Он будет участвовать в торгах.

— Ты поторопился, — бросил сквозь зубы Агилар. — Если продашь рабыню ему, то станешь моим личным врагом.

Пока мужчины решали свои мировые проблемы, у меня возникла своя, куда более насущная. Ко мне прицепился большой овод, видимо привлеченный запахом пота и давно не мытого тела. Я попыталась испепелить насекомое взглядом. Не удалось. Подергалась в цепях. Не сработало. Подула со всей силы. Сил оказалось недостаточно.

Назойливое насекомое упорно старалось приземлиться на мое лицо и что-то отгрызть под слоем пыли. Я честно попыталась привлечь к себе внимание охраны кроткими словами:

— Кто-то может прибить эту гадость?

На что мне рявкнули:

— Молчи, женщина! — продолжая наблюдать за трясущимся от страха начальником каравана и испытывая от этого прямо-таки неземное блаженство.

Скорее всего, этот толстяк уже у всех застрял в печенках со своими противоречивыми требованиями и приказами.

До меня с опозданием дошло, что спасти себя мне придется самой. На отработку тактики было потрачено три минуты, в течение которых овод восемнадцать раз заходил на посадку, стремясь поближе со мной познакомиться. Остальные оводы меня избегали, но этот попался особенный и так и норовил цапнуть и вволю попить моей крови.

В конечном счете я плюнула на стратегию и рванула руки, выдирая крепежное кольцо кандалов. Не обращая внимания на округлившиеся глаза и отпавшие челюсти присутствующих, просунула под собой скованные руки, сквозь зубы вспоминая бабушку того ишака, который придумал широкие балахоны. Наконец мои конечности оказались спереди, и я была готова к бою. Но овод не стал меня дожидаться, его спугнула моя активность, и он улетел доставать других двуногих и четвероногих.

— Шайтан! — обиделась я и долбанула куском болтавшей цепи по краю телеги, вымещая свою неудовлетворенность жизнью.